

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. <II>

В последнем номере «Vers et Prose»¹ (июль—август—сентябрь 1909) помещен «Макбет» в переводе Мориса Матерлинка. В предисловии к переводу Матерлинка говорит: «Существует около десятка французских переводов Шекспира. Все они добросовестны и точны; три между ними — Марселя Швоба (который перевел только «Гамлета»), Мориса Поттешера (перевел только «Макбета») и переводы Франсуа-Виктора Гюго (сын поэта, перевел всего Шекспира) — первоклассны.² Исключая нескольких смутных мест, которые каждый переводит согласно своим догадкам и своим фантазиям, согласие относительно точного смысла слов и фраз окончательно установлено. Поэтому было бы совершенно бесполезно предпринимать новый перевод, если бы согласия относительно смысла было бы достаточно и если бы красота одного перевода неизбежно истощала все возможности оригинала. Но существуют в каждом хорошем поэте — и тем более в этом поэте по преимуществу, который занимает нас, — области, — куда ни один переводчик не проникает, и фразы, физиономию, музыку, оттенок и цвет которых никакой перевод передать не в силах. Нельзя представить себе двух способов перевести: «Which of you have done this?»* или «He has no children!»** Но раз выражение не настолько обнажено, раз оно не настолько неотвратимо, лишь только оно содержит хотя бы почти забытую тень образа, впечатления или беглого настроения, лишь только в нем есть движение, аромат, энергия или гармония, которую не хотят утратить, переливая, — появится столько же переводов, сколько переводчиков». Затем Матерлинка приводит десяток переводов «Макбета», по-разному освещающих смысл одной фразы, целую радугу оттен-

* «Кто из вас это сделал?» (англ.).

** «У него нет детей!» (англ.).

ков, в которых раскрываются душа и понимание каждого из переводчиков.

«Смиренные переводчики перед Шекспиром, — заключает он, — как живописцы, сидящие перед одним и тем же лесом, одним и тем же морем, одной и той же горой. Каждый из них напишет различную картину. Почти настолько же, как пейзаж, перевод — это состояние души. Сверху и снизу вокруг точного логического смысла первичной фразы реет тайная жизнь, почти неуловимая и в то же время более могущественная, чем внешняя жизнь слов и образов. Это ее именно важно понять и выразить. Необходима крайняя осторожность, потому что малейшая неверная нота, самая легкая ошибка могут разрушить иллюзию и разбить красоту самой прекрасной страницы. Вот идеал, о котором мечтает добросовестный перевод. Он заранее извиняет всякую попытку, даже ту, которая приходит после стольких других и приносит в совместное творение очень скромную помощь нескольких фраз, которым случай здесь и там благоприятствовал, быть может».

Матерлинковский перевод «Макбета» был поставлен в необычайной обстановке. В ночь Sainte-Wandrille было устроено празднество в том старинном замке, носящем ее имя, в котором он живет последние годы.³ Трагедия была исполнена вне сцены в залах замка, в присутствии невидимых зрителей. Жоржетта Леблан исполняла роль лэди Макбет. По утверждениям немногих свидетелей этого ночного спектакля, зрелище было незабываемое. Можно представить себе, каким одушевленным и патетическим фоном служили Шекспиру подлинные готические стены.

Готическим камням посвятил Родэн статью, помещенную в «Matin».⁴

«Скалы, леса, сады, северное солнце — все заключено в этих гигантских массах; вся наша Франция заключена в наших соборах, как Греция сжата в одном Парфеноне. Увы! Мы на закате их великого дня.

Прежде чем исчезнуть мне самому, я хочу восславить эти камни, так нежно возведенные в красоту смиренными и учеными художниками, эти статуи, моделированные любовью, как уста женщины, эти убежища прекрасных теней, где нежность дремлет, укрытая силой, эти нервы тонкие и мощные, которые устремляются к своду и там склоняются в пересечении цветка, и розасы оконниц, украшения которых заимствованы от закатного солнца или солнца восходящего...

Романский стиль, эта чистая геометрия, остается основой французских стилей. Он остается будущим. Он был совершенен с первичной своей фазы. Эта дисциплина, исполненная сдержанности и энергии, родила нашу архитектуру. Это яйцо, в котором затаено семя жизни. Готика — история Франции, дерево всех наших родословных. Она первоприсутствует в нашем самосозидании, она живет нашими превращениями... Французские соборы возникли из французской природы. Это нашего неба воздух, такой яркий и такой окутывающий, дал художникам их пыл и утончил их вкус. Восхитительный наш национальный жаворонок, легкий и грациозный, есть истинный образ их гения. Он устремляется таким же полетом, и порыв кружевного камня сияет в сером воздухе, как крылья птиц. Юношей я любил, конечно, готическое кружево; но только теперь я понимаю значение и удивляюсь власти этого кружева. Оно вздувает профили и наполняет их крепостью. Видимые издали, эти профили кажутся восхитительными кариатидами, прислоненными к наличникам, — вьющимися растениями, моделирующими прямую линию стены, — как бы кронштейнами, улегчающими тяжесть.

Душа готики в этих чувственных извивах светов и теней, которые дают ритм всему собору и неволят его жить».

Громадная коллекция неизданных манускриптов и писем писателей романтической эпохи, собранная виконтом Спельберхе де Лованжюль и завещанная им Французскому Институту, перевезена в настоящее время из Брюсселя в Шантильи и разбором ее занимается Жорж Викэр. Для перевозки этой грандиозной коллекции манускриптов понадобилось

несколько десятков товарных вагонов. В ней находятся все спасенные бумаги Бальзака, Мюссе, Жорж Занд, Теофиля Готье, Сен-Бёва, и многих других. Октав Юзанн (*La Derêche*, 12 octobre) высказывает грустное предположение относительно судьбы этой сокровищницы документов: «В Шантильи создается “enfèrs”*, как в Национальной Библиотеке, куда будут сложены те письма и документы, которые будут найдены неудобными для оглашения, заметки, наблюдения и воспоминания, которые могут шокировать чувства наследников; тень добродетельного Монтиона будет парить над нравственным достоинством писаний доброго Тсо, дядюшки Бева, певца Ролла⁵ и скептического Меримэ. Лучше сызначала примириться с нашей участью. Шантильи станет гробницей самых разоблачающих, самых независимых, самых дерзких произведений наших славных мастеров XIX века. Академическая дверь прикроет их своим попечением, более тяжким, чем могильный камень. Стыдливость Прюдомов будет бдить ревностно над тем, чтобы известные страницы не были никогда опубликованы, и именно те, которые интересуют нас больше всего, потому что только они могут осветить по-новому интимную обстановку великих умов, которых мы чтим».⁶

Последний из своих «Эпилогов» в «*Mercure de France*» (1 Décembre) Реми де Гурмон посвящает суровым размышлениям о судебной справедливости по поводу дела Стейнель. Он говорит резкие и беспощадные слова о судьях — защитниках общества:

«...Общество много бы выиграло, если бы оно было избавлено от этой защиты лживой и трусливой! Каждый раз, как один из этих господ говорит, испытываешь все упоение быть мерзавцем и каешься в своем состоянии честного человека...

...Продержать женщину в тюрьме в течение полутора года и собрать как следственный материал одни газетные сплетни, попытаться привести их в некоторый порядок, не успеть в этом, построить поверх всего несколько идиотских и трусливых гипотез и сказать судьям: “Господа, вы, конечно, осудите ее, не правда ли? потому что у меня ревматиз-

* «Закрытый фонд» (фр.).

мы и я очень устал; сделайте это, пожалуйста, для меня”. Вот та справедливость, которую нам предлагают. И это то, что они называют защитой общественного строя! Какой балаган, какая клоунада!.. Брать это со стороны комической? Они занимаются своим ремеслом? Нет, скажем лучше: они исполняют свой долг. Нужно, чтобы все великие слова были окончательно перепачканы, так, чтобы их нельзя было больше брать даже щипцами. Прокурор – этот публичный обвинитель, исполнял свой долг. А известно, что когда исполняют свой долг, то сие точно бархат на совести. Это вознаграждение. При малейшем сомнении бархат заменился бы мехом из иголок. Поэтому честные люди замечают, исполняют ли они свой долг или нет. Механизм из самых упрощенных. Легко можно было бы построить автомат добродетели. И он изумлял бы современников безошибочностью своих действий. И притом заметьте, что втайне я одобряю этого обвинителя. Он логичен. И потом он сознает, что оправдание для суда самый страшный из скандалов, потому что это скандал непоправимый и свидетельствующий более ясно, чем самая великолепная судебная ошибка, о нелепости справедливости...

...Люди нашего века, которые еще верят правдивости свидетельских показаний! Когда доказано, что на десять человек может не оказаться ни одного, способного точно определить цвет обоев в своей комнате... И это не мешает судьям придавать значение единственному свидетельству, раз только оно повторяется без изменений, что может доказывать лишь упрямство свидетеля и то, что он не хочет отступить от того, что было им раз сказано...

...Фраза “Я убежден в том, что...” может приобрести ужасающий смысл. Следует стыдиться быть убежденным в чем-либо, раз уже нельзя воздержаться от этого. Эта “убежденность” создает столько смешных мучеников и столько карикатурных палачей...

...Я думаю, что общество, лишенное институтов справедливости, будет существовать не хуже и не лучше, чем общество, снабженное плохой справедливостью, а справедливость всегда плоха».⁷

Жюдит Готье, дочь Теофиля Готье, выпустила третий том своих мемуаров (*Judith Gautier. Le Collier des jours. Le troisième rang du Collier. In.—18. Félix Jouve*). Это одни из самых интересных интимно-литературных мемуаров нашего времени. Напомним, что первая нить ожерелья — были чисто личные воспоминания автора о своем раннем детстве. Вторая нить давала картинную фигуру Теофиля Готье в последние годы его жизни и целый ряд силуэтов посетителей его дома в Нейи: Бодлэра, Гонкуров, Дюма-сына, Поля де Сен-Виктора и т. д. Третья нить ожерелья сосредоточена на двух центральных фигурах — Вагнере и Вилье де Лиль-Адане.

Из новых книг следует отметить:

Villiers de L'Isle-Adam. Derniers Contes. (Histoires Insolites. L'Amour suprême. Akëdysseril). Ed. Merc. de France. (Некоторые из этих рассказов были помещены в изданиях, ставших библиографической редкостью, и, таким образом, только теперь становятся достоянием публики).

A. Ferdinand Hérold. Les Sept contre Thèbes. Tragédie traduite d'Eschyle. (Ed. M. d. Fr.). Второй том «областных поэтов» «*Poètes du Terroir du XV au XX siècle*» Ван Бевера. Настоящий том охватывает Дофинэ, Фландрию, Франш-Конте, Гасконь, Иль де Франс и Лимузен.

Из новых изданий старых поэтов и писателей надо отметить:

Les plus belles pages de Tristan l'Hermitte. С предисловием Ван Бевера. (Edit. Merc. de France).

Les plus belles pages de Saint-Evremond. С предисловием Реми де Гурмона. (Ed. Merc. de France).

Les Amours et nouveaux échanges des Pierres précieuses. Remy Belleau. (La Pléiade française). Suivis d'autres poésies du même auteur, publiés sur les éditions originales et augmentés de pièces rares ou inédites, avec une notice de l'Abbe Goujet et des notes par Ad. van Bever. Portrait-frontispice d'après Léonard Gaultier.

La Fleur de poésie française. Recueil joyeux contenant plusieurs huitains, dixains, quatrains, chansons et autres

dictez de diverses matières, etc., publié sur les éditions de 1542 et de 1543 avec un avant-propos et des notes, par Ad. van Bever.

Les Priapées. François de Maynard. Publiées d'après les manuscrits et suivies d'un grand nombre d'épigrammes et des pièces satyriques, extraites des œuvres du même auteur et de quelques recueils du temps, par un Bibliophile gascon.

Из появившихся во французских журналах за последний месяц следует отметить: «La Revue Bleue» (4 septembre). Peladan: «Machiavel et la politique positive» (2 octobre). Его же: «Les premiers rationalistes, Pomponace et Valla» (30 octobre et 6 novemb.). Maurice Barrès – Greco ou le secret de Tolède, «La Phalange» (20 août). Robert de Souza: «La réforme de l'orthographe: sa vanité». «Vers et Prose» (tome XVIII), прекрасное стихотворение Henri de Régner – «Elvire aux yeux baissés», представляющее соответствие его стихотворению «Le gerroche», переведенному так хорошо Валерием Брюсовым. В том же номере две документально важные статьи, касающиеся живописи: Бланша о Шарле Кондере и Милоса Мартана об Эмиле Бернаре. В предыдущем номере «Vers et Prose» (XVII) поэма Жюлья Ромэна «A la foule qui est ici», увенчанная на конкурсе в Одеоне, и лекция Жюльена Оксе об Анри де Ренье. В «Merc. de France» (16 oct.) поэмы Gui-Charles Cros. В «Occident» «Трэн в честь президента Линкольна» в свободном и творческом переводе Вьеле-Гриффина.

В издании «Vers et Prose» вышла «Premier livre de prières» Жюлья Ромэна.

Скончался судья Пинар (M. Pinard), имя которого незабвенно в литературе, так как им были составлены обвинительные акты и велись процессы против «Fleurs du Mal» и «Madame Bovary».⁸